

]

— Угадай, — сказал Янь Хан.

— Я, типа, красавчик? — спросил Чу И.

— Ага, — Янь Хан кивнул. — Твоя бесстыдность прямо пропорциональна твоей привлекательности.

Чу И рассмеялся, потер нос и снова уставился на стюардессу. Осторожный деревенский пес — из всех пассажиров самолета он, пожалуй, был самым прилежным слушателем, даже вытянул шею, чтобы разглядеть аварийный выход. В ком-то другом эта серьезная осмотрительность могла показаться глуповатой, но в Чу И она почему-то подкупала и выглядела по-своему здорово.

«Смотри на меня!»

Эта фраза эхом отдавалась у Янь Хана в голове.

Смотрю.

Янь Хан закрыл глаза. Перед внутренним взором застыло лицо Чу И в тот самый момент, когда он это произнес. Чу И — мальчишка с легким нравом, и Янь Хан редко видел на его лице такое выражение, как сегодня. Выражение, из-за которого он в одночасье перестал казаться ему простодушным щенком.

Янь Хан даже впервые заметил, что контуры лица Чу И больше не были такими мягкими, как раньше, по-детски нежными.

Они стали какими-то... суровыми?

Будучи необразованным, Янь Хан не смог с ходу подобрать подходящий эпитет.

— Янь Хан, — Чу И похлопал его по руке.

— М-м, — Янь Хан открыл глаза. — Что такое?

— Взлетаем, — сказал Чу И.

— О, — отозвался Янь Хан. Они с минуту смотрели друг на друга, и, видя, что Чу И не собирается продолжать, ему пришлось спросить: — И что дальше?

— Дальше — ничего, — Чу И глянул на него. — Просто сказал, что взлетаем.

— ...Понял, спасибо. — Янь Хан улыбнулся и снова закрыл глаза.

— Поспи чу, чуток попозже, — Чу И снова похлопал его по руке. — Взлетаем, открой глаза.

— А что, при взлете нельзя закрывать глаза и спать? — беспомощно спросил Янь Хан.

Чу И задумался:

— Не знаю. Лучше держи отк, открытыми. Безопаснее.

— Окей. — Янь Хан вздохнул, смирился, глаза больше не закрывал и вместе с Чу И повернул голову к иллюминатору.

Только когда самолет выровнялся, Чу И подался вперед и прошептал ему на ухо:

— Больше так не делай.

— Как так? — спросил Янь Хан.

— Как се, сегодня. Драться, — ответил Чу И. — Ты совсем не конт, контролируешь силу.

— Угу, — Янь Хан кивнул. — Хорошо, как скажешь.

— Это очень пу, пугает, — добавил Чу И.

— Испугался? — Янь Хан повернул к нему голову.

Лица были совсем близко, можно было пересчитать ресницы Чу И и разглядеть, как он хмурится.

— Ага, — выдохнул Чу И.

— У тебя тут морщинка, — Янь Хан нажал пальцем на переносицу. — Несимметричная.

— Она го, говорит, что слишком занята, чтобы быть симмет, метричной, — буркнул Чу И.

Янь Хан только начал смеяться, как Чу И вдруг в панике схватился за лоб:

— У меня что, морщины?

— Да просто... — Янь Хан не успел договорить, как его перебили.

— У тебя их вооб, вообще еще нет! — воскликнул Чу И.

— Да я старше тебя всего на три года, а не на тридцать, с какой стати им быть! — возмутился Янь Хан.

— Мне всего се, семнадцать! — шокированно отозвался Чу И.

— Да я не про морщины! — Янь Хан с досадой вздохнул. — Я про ту маленькую складочку, когда ты хмуришься! Кто вообще говорил, что у тебя есть морщины?!

— ...А, ну ладно. — Чу И выдохнул и откинулся на спинку кресла.

Янь Хан собирался немного поспать в самолете, но в таком состоянии это было трудно, тем более что Чу И не выпускал его руку, легонько поглаживая ладонь, так что ему оставалось лишь закрыть глаза и притворяться спящим. Впрочем, дело было в эмоциях, а не в реальной нехватке сна.

Чу И всю дорогу сжимал его ладонь, разминая пальцы, и это на удивление успокаивало. Когда они вышли из самолета, Янь Хан почувствовал, что усталость заметно отступила.

— Сразу домой? — спросил Янь Хан. — Я подожду тебя внизу.

— М-м, — Чу И кивнул. — Пойдем вме, вместе. Снаружи слишком хо, холодно.

— Ладно, — Янь Хан улыбнулся. — Сразу договоримся: если твоя бабуля начнет на меня орать, я не буду терпеть, как ты. Я буду орать в ответ.

— Я теперь тоже не тер, терплю ее, — сказал Чу И.

— Правда? — Янь Хан искоса посмотрел на него.

— Угу, — Чу И поправил воротник. — У меня теперь взрывной ха, характер.

Янь Хан рассмеялся, ничего не ответив.

— Честно, — сказал Чу И. — Боевой пес.

— Это еще что за зверь? — спросил Янь Хан.

— Боевой пес среди деревенских, — ответил Чу И.

— Твою ж, — Янь Хан рассмеялся так сильно, что едва не поперхнулся слюной.

Хотя Чу И и хорохорился, как только они сели в такси, он притих. Когда они вышли у поворота к его дому, Янь Хан почувствовал, как напрягся спутник. Его это немного тронуло: возвращение домой заставляет Чу И нервничать — удивительное все-таки место этот его дом.

Янь Хан огляделся по сторонам. Он сам не нервничал, но на душе было странно. Эти места он помнил неплохо: улица, соседний квартал, где он когда-то снимал комнату — единственный приют, оставивший хоть какой-то след в его многолетних скитаниях. И тот переулок, когда-то залитый кровью.

Сложно описать чувства: не грусть, не подавленность и не тоска, скорее что-то вроде легкой горечи. С того момента, как они здесь расстались с отцом, прошло уже два китайских Новых года.

— Зайдем в лав, лавку, — сказал Чу И, шагая вглубь квартала. — Купим бабушке блок сигарет.

— Угу, — ответил Янь Хан.

Он никогда не бывал у Чу И дома, но все здания вокруг выглядели одинаково — обшарпанные и серые. Особенно зимой, на фоне грязного снега у стен, эти пустые перед праздником улицы казались еще тоскливее. Именно такое чувство было у него, когда он впервые свернул сюда с оживленного проспекта. Столько времени прошло, а здесь ровным счетом ничего не изменилось.

Они миновали три дома, и вдруг Янь Хан услышал шум. А прислушавшись, различил женский голос, переходящий на визг.

Чу И резко остановился.

Янь Хан мгновенно сообразил, что это, вероятно... бабушка Чу И с «бровями-червяками».

— Где справедливость-то — доносилось до них, — обижают вдову с сиротой, под самый Новый год житья не дают!

Янь Хан опешил и переспросил Чу И:

— Твой дедушка...

— Жив, — сказал Чу И. — Это у нее при, присказка такая.

— Понятно. — Янь Хан вздохнул.

— Пошли, — Чу И развернулся и зашагал обратно. — Сходим пообедаем с тетей, потом в за, зал, а на Новый год — к дедушке.

— Идет. — Янь Хан кивнул.

Вернувшись на улицу, Чу И привычно направился к реке.

— Идешь навестить свое дерево-тайник? — спросил Янь Хан.

— Ага, — Чу И улыбнулся и обернулся. — Может, оно тебя еще по, помнит.

— Конечно, — сказал Янь Хан. — Мы же даже разговаривали.

Настроение Чу И менялось быстро: спустя всего пару минут он повеселел и теперь выглядел вполне довольным, шагая к реке. Но когда они подошли к развилке, из-за угла вырулили трое.

Янь Хан присмотрелся: лиц было не разобрать, но по походке он сразу узнал Лян Бина и его шестерок.

Лян Бин в первую секунду, очевидно, узнал только Янь Хана, а когда перевел взгляд, его глаза округлились, но тут же вернулись в привычное состояние.

Чу И смотрел на него. По старой привычке он должен был обойти их стороной, но сейчас не шелохнулся. Лян Бин тоже не стал лезть на рожон, как бывало раньше. Он замедлил шаг, подал знак своим прихвостням прижаться к стене и двинулся дальше.

— Он сказал, что кто-то ви, видел моего отца, — прошептал Чу И Янь Хану и сделал два шага вперед, перегородив Лян Бину дорогу.

— Че надо? — Лян Бин уставился на него. — У нас вроде нет больше терок? Что тебе еще нужно?

— Хочу взять интервью, — Янь Хан вытащил сигарету, закурил и встал за спиной у Чу И. — Скажите, каково это — быть вами сейчас?

— Да пошел ты, хочу просто свалить отсюда! — огрызнулся Лян Бин.

— Кто ви, видел моего отца? — спросил Чу И.

Лян Бин замаялся, глядя на него, и молчал. Чу И вытащил из кармана листовку, которую получил ранее, свернул ее в трубку и ткнул Лян Бину под нос:

— Где ви, видели?

Лян Бин посмотрел на бумажную трубку, и желваки на его лице дернулись.